

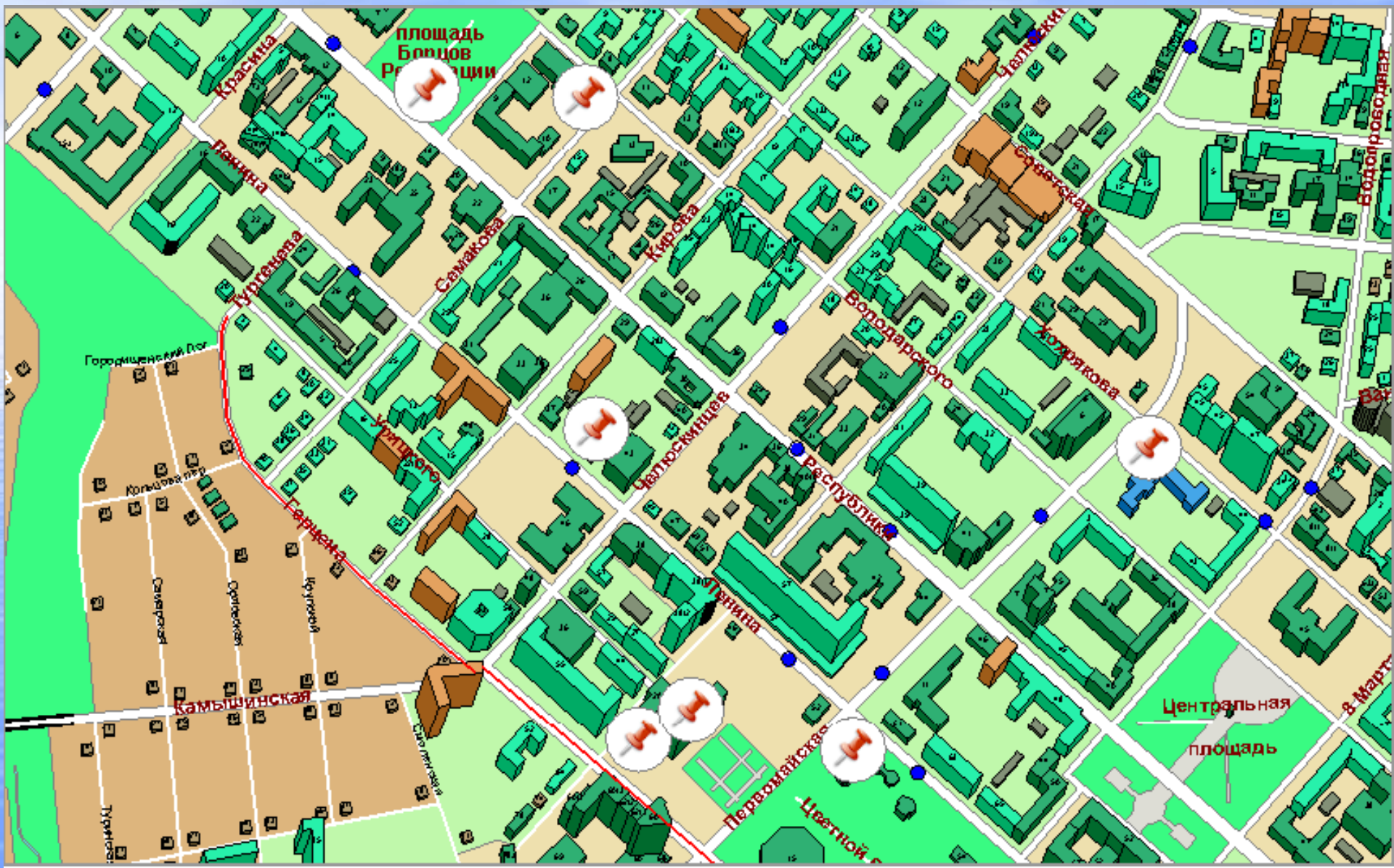
**Филиал ГАУК ТОНБ «Детская библиотека
имени Константина Яковлевича Лагунова»**

Знакомыми переулками детства

Тюмень в жизни и в произведениях В.П. Крапивина

Карта мест событий, описываемых в произведениях В.П. Крапивина

Улицы детства

Мир, в котором я прожил свои семнадцать лет и который казался мне таким просторным, лежал теперь подо мной весь разом.

Город, окруженный лугами и полями, желтовато-серебристые излучины Туры, заречные деревни с игрушечными татарскими мечетями, дальние синие леса.

То, что с земли виделось у отчаянно далекого горизонта, придвинулось совсем близко, стало трогательно маленьким и добрым. Даже густой бор за деревней Падерино казался ближней рощицей. А когда-то он был для нас, как дальняя таинственная тайга.

А город! Кто-то превратил его кварталы в игрушки, в макетики и в нужном порядке расставил на широкой плоской тарелке.

Рядом – дотянуться можно – белая церковь, в которой сейчас библиотека (там я накануне в читальном зале, устроившись в глубокой нише сводчатого окна, сочинял стихи). Вот и дом на улице Грибоедова, где я сейчас живу. А вот другой, на улице Герцена, где прошли мои первые годы и где живет мой дядя Боря. Тополь во дворе кажется отсюда совсем небольшим (но все же видно, что он выше остальных).

«Шестая Бастионная»

Улица Герцена

Детство я провел в Тюмени. Тогда это был город с деревянными тротуарами на центральных улицах, довольно зеленый летом и тонувший в грязи осенью.

Наш дом № 59 стоял на самой середине ул. Герцена... Начинаясь она у старого Текутьевского кладбища, а кончалась у земляного

моста через лог, недалеко от района Большое Городище. По вечерами над крышами Городища и дальними тополями горели очень яркие закаты. Со стороны заката брели с пастбища коровы...»

«Шестая Бастионная»

«В середине ее стоял длинный двухквартирный дом, который назывался флигелем. По сторонам, в разных концах заросшего двора, находились другие постройки: бревенчатый сарай с сеновалом, двухэтажный дом с каменным низом, скрипучая, кривая голубятня и кирпичный магазинчик, окруженный забором из не струганных горбылей. Во флигеле жили мы.

Осталось сказать о магазинчике. В нем, конечно, жильцов не было, разве только крысы.

Зато по утрам вдоль забора выстраивалась очередь.

Стояли там главным образом старухи, инвалиды и мальчишки.

Инвалиды в зеленых солдатских штанах и стоптанных чувяках мусолили самокрутки и все время спорили; старухи хмуро и осуждающе молчали - они здесь были главные. Мальчишки, заняв очередь, собирались в своем углу. Играли на щелчки в "номера" - у кого больше номер на деньгах или усердно толкались - "давили сало", не забывая прижимать локти к нагрудным карманам, где лежали хлебные карточки. Они первые замечали пожилую сонную кобылу, которая тащила фанерную повозку с белой надписью: "Хлеб". Тогда раздавался тревожный крик: "Везут!" Очередь начинала беспокойно колыхаться».

«Тень каравеллы»

Тополь рос на углу улиц Дзержинского – Герцена, во дворе, где прошло мое детство. Он был самый большой в городе. Сейчас это трудно доказать: у деревьев не бывает документов. Но в те времена все ребята и взрослые знали точно: он самый высокий, и дядя Боря, - который живет в Тюмени полсотни лет, однажды прислал мне свои стихи о тополе, а к ним приложил небольшую историческую справку: " Впервые этот тополь я увидел в 1937 году, он был таким же, как теперь, а наша соседка Анна Васильевна рассказывала, что домику, где мы поселились, восемьдесят лет, а когда его строили, тополь уже стоял..."

Даже не верится, что этого шатра больше нет. Тополь осенял наше детство. Да и не только наше.

Сколько мальчишек и девчонок выросло под ним - и в прошлом веке, и в нашем, двадцатом. Вырастали, нянчили и учили жить своих детей. Уходили воевать, и случалось, что возвращались. Мне кажется, тополь помнил всех. Всех, кто, сцепившись друг с другом руками, пытался обхватить внизу необъятный ствол. Всех, кто прижимался лбом к бугристой коре и, зажмурившись и нетерпеливо переступая исцарапанными ногами, тараторил:

*Раз - два - три - четыре - пять,
Я иду искать...
Кого первого найду -
В темный терем отведу.*

Тополь помнил всех, кто ссаживал на коленях кожу, пытаясь добраться хотя бы до первой развилки. Всех, кто, окончив школу, вбегал во двор и радостно лупил по стволу ненужным теперь портфелем. И тех, кто жил здесь всегда, и тех, кого заносили в наш сибирский город ветры военных эвакуаций... Тополь не обижался ни на ребят, ни на взрослых. Был наш тополь незыблемый и вечный, как гранитная скала.

«Тополиная рубашка»

...Мама, я и старшая сестра жили тогда в Тюмени, на заваленной сугробами улице Герцена, такой тихой, что по вечерам на много кварталов разносился скрип под полозьями саней и валенками редких прохожих...

"Шестая бастионная"

...Они пошли по улице Герцена. По той самой, где он, Митька родился и без особых несчастий прожил почти двенадцать лет.

Мимо швейной мастерской,

где работала мать Витальки Логинова; мимо забора, где нарисована была мелом старая лошадь, похожая на генерала Франко (Павлик Шагренев рисовал), мимо его, Митькиного, двора с двумя тополями, двухэтажным домом и флигелем.

Хорошо, что хоть знакомые не встретились. Попалась навстречу маленькая девочка с жестяным бидоном — свободная и счастливая. Протарахтел голубой автобус — в нем тоже ехали счастливые и свободные люди. А по тротуару шагал несчастный арестованный Митька.

Улица Герцена

"Алые перья стрел"

Улица Герцена

Я гонял по тротуару колесо. Сейчас уже не встретишь такую игру. Велосипеды-подростки и фабричные самокаты на пузатых колесах вытеснили ее из ребячьей жизни. Иногда только можно увидеть малыша-дошколенка, бегущего за пестрым обручем по садовым дорожкам. Но это совсем не то. А в те годы из нас, мальчишек, был верный железный спутник колесо-гонялка. И каталка была. Это длинная толстая проволока с

особым крюком на конце. Каталкой подталкивали колесо и управляли им, кое-кто не расставался с колесом целыми днями. Колеса были разные: обручи от маленьких бочек, кольца от каких-то механизмов и даже чугунные конфорочные круги от печных плит. Я владел плоским и широким кольцом от неизвестной машины. Внутренний край его был в мелких зубчиках. Очень удобно было тормозить: подцепишь каталкой – и намертво. Такие тонкие колеса любил не каждый, – они легко проваливались в самые узкие щели тротуара. Но я мог прогнать колесо по любой досочке и щелей не боялся.

Сейчас колесо заменяло мне самокат. Я присвоил ему имя "Олень", и мы носились от угла до угла. Ветер легко шуршал у щек, тротуар пружинил, колесо звенело, и жить было весело.

"Тень каравеллы"

Автобус – это одно название. Настоящих автобусов тогда в нашем городе почти не было, а вместо них по маршрутам ходили полторки с поперечными сиденьями в открытых кузовах. Обычные тряские грузовички. В заднем борту у них была прорезана дверца, а к ней подвешены железные ступеньки. Вот на таком общественном транспорте я и катил в сторону загородного дома отдыха Рыбкоопа. Вернее, не катил, а летел, чуть приподнявшись над скамейкой и уравнив свою скорость со скоростью машины. Ветер бил в лицо, волосы вставали торчком, рубашка трепетала. И все было прекрасно...

"Тополиная рубашка"

Почти сразу подъехала крытая полторка — туренский автобус образца сорок седьмого года. Под брезентом качался керосиновый фонарь. Стасик вытащил из кармана всю мелочь и честно протянул кондукторше пятьдесят копеек: — До Клуба железнодорожников... У кондукторши на шнурке поперек груди — ролики разноцветных билетов. Она ловко наотрывала Стасику разных: белых, голубых, розовых. По такой хитрой комбинации сразу можно узнать, где сел пассажир и до какой остановки едет — чтобы никто не проехал дальше, чем заплачено. Клуб железнодорожников! От него еще четыре квартала — по Первомайской, по Смоленской...

"Белый шарик матроса Вильсона"

Лошади

...Конечно, лошадей в нашем городе хватало. Они возили сани с дровами, хлебные повозки, телеги со щебнем для ремонта дорог. В общем, лошади были не в диковинку. Но так много сразу мы не видели никогда. Их было больше десятка. Разные они были. Понуро шагали брюхастые савраски, лениво давил копытами грязь мохнатый битюг, неторопливо ступали изящные кавалерийские кони. Чавкая копытами, лошади проходили мимо нас. И незаметно для себя мы пошли рядом с ними по краешку тротуара. Не знаю, что думали другие, а меня беспокоила смутная тревога и непонятная жалость к лошадям.

"Тень Каравеллы"

... Начальная школа номер девятнадцать была маленькая, одноэтажная. Вернее, полутораэтажная, потому что под классами находился ещё подвал – с пустыми гулкими комнатами и низким вестибюлем. Но в подвале всегда стоял промозглый холод, и там не занимались. Одно время внизу устроили просторную и удобную раздевалку, но ребячьи пальто и ватники за полдня успевали так отсыреть и промёрзнуть, что директор Нина Васильевна распорядилась прибить вешалки прямо в классах. Потому что больше нигде. Наверху всего четыре комнаты – с утра в них учатся два первых и два четвертых класса, а после обеда – два вторых и два третьих. Даже для учительской не нашлось отдельного помещения, и её отгородили от вестибюля фанерной стенкой. На переменах в стенку ударяются с разбега те, кто пробует играть в догонялки.

"Сказки Севки Глущенко"

Наша маленькая школа занимала старинный дом, в котором до революции жил какой-то купец. Мы учились на верхнем этаже, а нижний, полуподвальный, всегда пустовал. Осенью и весной

его заливало, а зимой там было холодней, чем на улице. Всем был известен давний порядок: весной и осенью – вода, зимой – холод.

"Тень каравеллы"

Дом был двухэтажный. Первый этаж из кирпича, второй деревянный. Говорили, что до революции в доме обитал владелец городских мельниц Малкин. Он сам, его жена и две дочери-гимназистки. Ну и прислуга всякая: кухарки, кучер, дворник. Прислуга жила в кирпичном этаже и маленьком доме, который стоял в глубине двора.

...На второй этаж прямо от широкого трехступенчатого крыльца поднималась лестница. Почти такая же, как в школе. В давние времена ступени были покрыты желтой краской, но она стерлась, и остатки её были заметны лишь по краям, у перил. Перила тоже когда-то покрасили в зеленый цвет. Теперь краска потрескалась и местами осыпалась.

Лестница кончалась на площадке, тоже окруженной перилами. Там были две разные двери. Шаткая дощатая дверь вела в холодный пристрой, где находились кладовки. А за другой, обитой клочкастым войлоком и старой клеенкой, начинался коридор.

Станция "Тура"

СТАНЦИЯ ТУРА

Блестел синеватыми стеклами дощатый зеленый дом с белыми карнизами — длинный, с башенкой, на которой прожектор и мачта с тросами и фонариками, как на корабле. За домом виднелась корма высокой баржи, а к барже приткнулся грязно-белый парходик с красными кругами на сетчатых перилах. На кругах надпись — “Хрустальный”... А по сторонам от пристанского дома — все то, что создает живописность портовой жизни. Серый

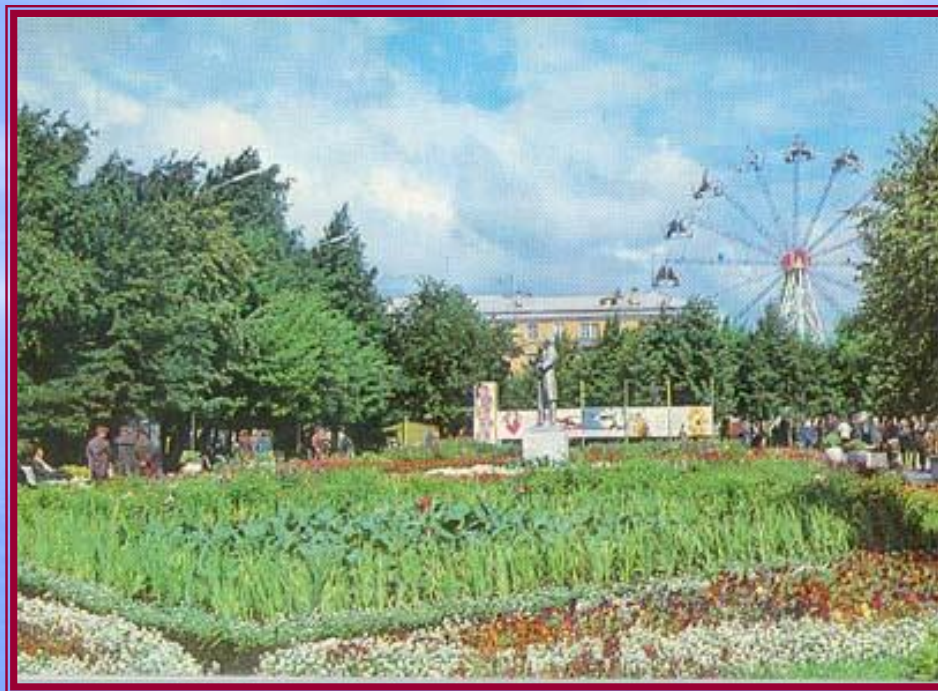
склад с громадной надписью: “Не курить!”, штабеля ящиков и бочек с рыбным запахом, мотки толстенного троса, вытащенный на берег катер и даже метровый якорь-кошка, с четырьмя ржавыми лапами, — он валялся в лебеде, как самая обыкновенная вещь.

Стасик протопал еще шагов двести и увидел справа, на фоне репейно - бурьяновых зарослей, коричневый домик. Маленький, будто игрушка, с медным колоколом у крыльца, с черными буквами на пыльно-белой эмалевой вывеске: Ст. Ръка.

"Белый шарик матроса Вильсона"

Городской сад

Потом они пошли в Городской сад. Стасик разменял пятирублевую бумажку, которую на радостях дала ему мама. Два рубля потратили на карусель с деревянными конями, три — на маленькую порцию мороженого. Лизали по очереди зажатый между

вафлями молочно-сахаристый кругляшок и млели от удовольствия. На главной площадке сада в этот день впервые пустили фонтан. Струи били из рогов чугунного оленя и сыпались в круглый бассейн. Там, конечно, шум, визг, брызганье — настоящий морской бой. Кое-кто залез через бетонный барьер в воду, а один даже упал.

"Белый шарик матроса Вильсона"

На углу Первомайской и Герцена, рядом с городским театром, продавали мороженое. Замечательное мороженое, сейчас такого не делают. Его черпали ложкой из жестяного бачка, обложенного кусками льда, набивали в формочку, где лежала вафля, накрывали другой вафлей (тоненькой и хрустящей) и выдавливали из формы плоский снежно сверкающий цилиндрик. Идешь по улице лижешь его молочные, леденисто-сахарные бока, и весь белый свет кажется прекрасным...

"Тополиная рубашка"

С высоты всё казалось ненастоящим: огоньки – искорками, река – полоской фольги, серебристый купол цирка на краю сада – крышкой алюминиевого чайника. А сад клубился внизу косматой темнотой... Тарелка лежала в мохнатом сумраке сада...

И наконец я понял, что это фонтан. Круглый бассейн со светлым камнем в центре, а на камне – тонкий бронзовый журавль со вскинутой головой. Этого журавля я знал с малолетства – помнил, как до войны меня приводил сюда во время прогулок отец. Обычно из поднятого журавлиного клюва била струя воды...

*** * ***

В один из таких дней к нам в город приехал театр из Тобольска. Для ребят он показывал «Снежную королеву». Спектакли шли в летнем павильоне, в саду напротив городской библиотеки»

«Тополиная рубашка»

ТЮМЕНЬ. Городская Управа.

Городской музей

А еще помню, как я стоял на шпиге пожарной вышки.

Вышка поднималась над крышей городского музея, над черными часами (которые тогда не шли). Музей был старинный, каменный, с колоннами, а вышка – деревянная, узорчатая, немного похожая на китайскую фанзу.

Ее опоясывал квадратный балкон. По доскам балконного настила, бухая сапогами и кашляя, ходил дядька в медной каске с гребешком (тогда еще у пожарных были такие, старомодные). Каска ярко отражала луну. "Жарко, тяжело ему в ней, – пожалел я дядьку. – А снять нельзя, устав не разрешает".

"Тополиная рубашка"

БАШНЯ

Площадь просто так называлась площадью, а на самом деле это был громадный пустырь посреди города. В центре его стояла красная водонапорная башня, похожая на старинную, а кругом раскинулись заросли полыни и бурьяна да лужайки с мелкой травой. На лужайках паслись козы и гоняли тряпичные футбольные мячи мальчишки со всех улиц. В прошлые годы площадь распределяли под огороды, а в этом году запретили; хотели что-то строить.

Раньше Костик никогда не ходил на площадь один, только со старшими ребятами. Дорога была не близкая. Но сейчас он решился: очень уж ветер был хорош.

Со змеем под мышкой добрался он до края пустыря. Ветер шел плотным потоком; пригибал полынь, рвал на башне выгоревший флаг, отбрасывал назад волосы у Костика и даже его ресницам не давал покоя.

"Гвозди" (рассказ)

УЛИЦА ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

На улице Челюскинцев особенно густо цвели над заборами яблони. В середине квартала стоял длинный коричневый дом с деревянными узорами вокруг окон. Узоры были красивые, но дом старый и покосившийся. На одном конце нижние края окон вросли в землю.

Дом был грустный, заброшенный какой-то. Тротуара рядом с домом не было, но просохшую землю пешеходы утрамбовали до каменной плотности. На земле белели начерченные мелом "классики", и мальчик прыгал по клеткам, гонял носком сапога баночку из-под крема. Пыльные кирзовые сапожки были небольшие, но очень широкие и сильно болтались. Мальчишкины ноги в полинялых чулках казались от этого слишком тонкими. Матроска была коричневато-бурая, с якорем на рукаве, с полосками на широком воротнике.

Банний лог

Переулочек извилисто убегал вниз, но не с ровным наклоном, а с горки на горку. Тротуары — не деревянные, а из каменных плит, которые лежали косо, редко, топорщились и соединялись кривыми тропками. Дома тоже стояли неровно: то вдоль, то поперек, то дерзко выставляли на дорогу покосившийся угол или крыльцо. Были здесь всякие дома: и большие — с резьбой, застекленными балкончиками и надстройками, и утонувшие в лопухах и бурьяне хибарки. А над путаницей склонившихся туда-сюда заборов — чаща рябин и вековые тополя.

Конечно, у такого переулочка и название должно быть подходящее. Скажем, Речной, потому что за домами чувствуется, просто-напросто дышит простор недалекой реки. Или Лодочный спуск: вон две лодки лежат у ворот, а еще одна торчит острым носом над забором. Или Рыбачий. Большая сеть сохнет на кольях в палисаднике перед желтой мазанкой

Наконец Стасик увидел на воротах ржавый круглый щиток с фонариком, номером и облупившимися буквами «Банний лог».

Лог — это, как известно, овраг, он с ответвлениями тянется через Турень во многих местах. А здесь... Может, потому что переулочек постепенно опускается к реке и незаметно раздвигает толщи обрыва? Ладно. А почему «Банний»? Где-то здесь баня? Но известно, что в Турени всего четыре бани: Ишимская (за водокачкой), Заречная (у черта на куличках, Стасик там никогда и не был), Железнодорожная (привычная, уютная, куда он ходит с Юлием Генриховичем) и Стахановская (самая большая, в центре, на улице Стахановцев).

...Банний лог лишь вначале казался переулочком. А потом стало ясно, что это улица: не спеша, она прыгает по буграм вниз, виляет и не кончается. Каменные плиты, лесенки и заборы — в пятнах от солнца и тополей. Семена плывут в тихом воздухе... Чудо что за улица!

"Белый шарик матроса Вильсона"

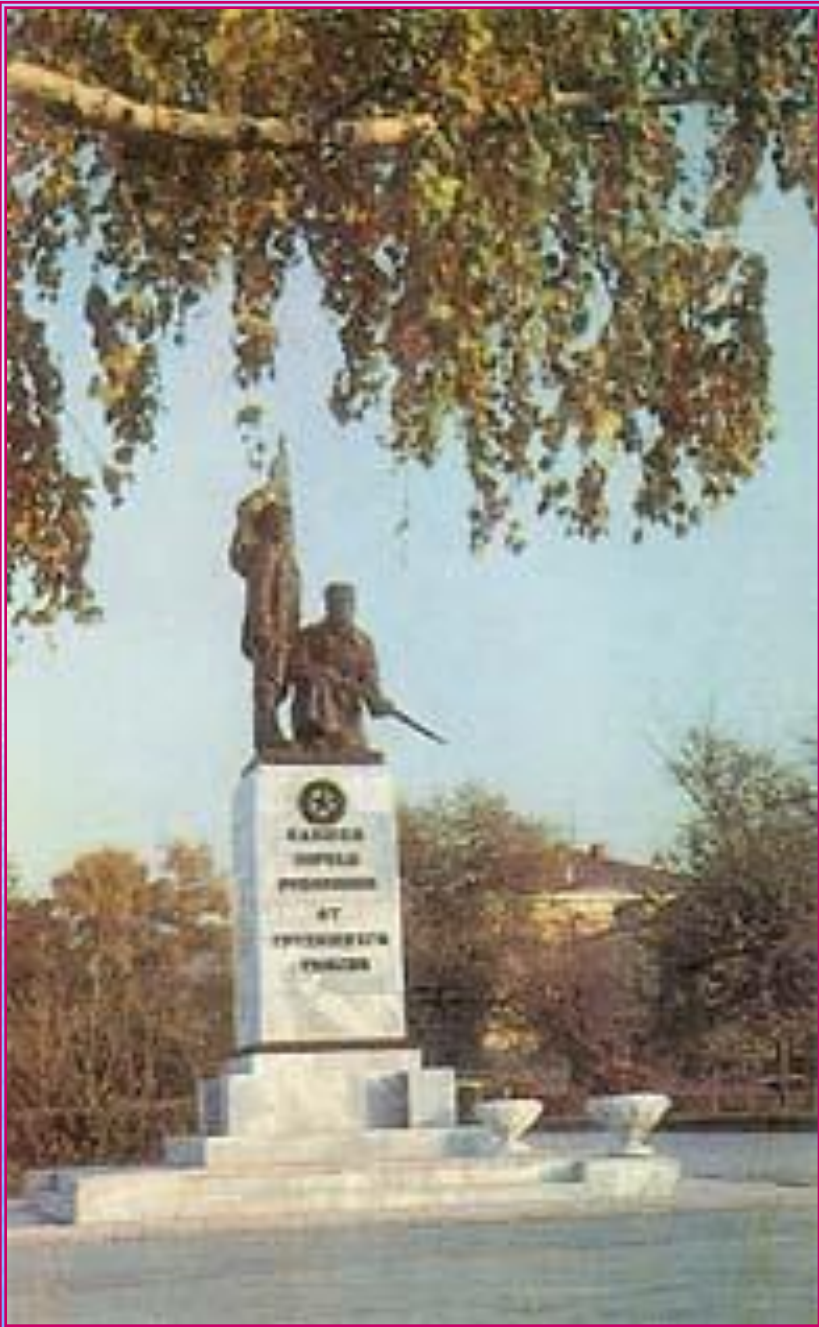

САД ПИОНЕРОВ

В те времена мода была попроще, и считалось обычным делом, если мальчишки гуляли по городу в одних трусиках и босиком.

Можно было так и в кино пойти, в библиотеку, и в Сад пионеров на улице Республики.

«Тополиная рубашка»

ПРАЗДНИКИ ДЕТСТВА

...В начале недели разлетелась по нашим улицам волнующая новость: в воскресенье будет необычный праздник – День физкультурника!

...Новость обрастала подробностями. Левка Аронов сообщал, что на дальнем поле, за кладбищем, подальше от любопытных, было две репетиции спортивного парада. Он бессовестно врал, что видел сам громадную колонну футболистов в динамовской форме и каждый из них (вот враль!) нес настоящий футбольный мяч. Рассказывали также, что сосед Петьки Лапина - Костя Корнеев, который учился в

машиностроительном техникуме, принес домой белые трусы и голубую майку с чайкой на груди и в этой форме пойдет на парад.

Но до конца мы поверили в праздник тогда, когда к стадиону пришли плотники и стали забивать досками многочисленные щели распатанного забора. Новые доски светились на сером заборе солнечными полосками.

...С самого утра в воскресенье на стадионе начал волнующе ухать оркестровый барабан ... и большие разноцветные флаги полоскали и громко хлопали над забором. Словно сказочная эскадра собралась в полное

приключений плавание... На поле разворачивались яркие колонны. ...Взвод старшеклассников, одетых в гимнастерки, трахнул в воздух из винтовок, взлетело несколько ракет, оркестр заиграл первомайскую песню "Москва моя", и физкультурники опять перестроились. Те, кто были в красных майках, образовали большую звезду. На трибунах закричали "ура".

Все было так здорово! Когда кончился парад, начались разные выступления. Мне больше всего понравились ребята с настоящими шпагами и в глухих шлемах. Они устроили целый бой. А еще маленькие девчонки с большущими разноцветными мячами...

«Тень Каравеллы»

К ёлке сорок четвертого года готовились всей семьёй. Мне было сказано, что принесет ёлку, разумеется, Дед Мороз, но в нынешнее военное время с игрушками у Деда туговато, и требуется помощь. Я помогал сестре Людмиле и брату Сергею клеить бумажные цепи. На них пошли разноцветные корочки от старых, ещё довоенных тетрадей. Кроме того, сестра плела из бумажных полос крошечные корзинки, а я мастерил ведерки. Дело простое: берешь листок, рисуешь на нем цветочки или узоры, склеиваешь (вареной картошкой) цилиндр. Сверху - дужка из бумажной ленточки. Доньшка у такого ведерка нет, но и не надо: не воду же в нем носить.

Кроме ёлочных игрушек, брат и сестра готовили разрисованные номерки для игры в почту на вечере в своем техникуме. Они рисовали на обороте старых учебных чертежей всяких бабочек, гномиков, зайчат, а также узорчатые ромбики, треугольники, кружочки - всё с цифрами.

Ёлка сорок пятого помнится мне стеклянной игрушкой-фонариком. У него были цветные грани. Когда шарик вертелся на нитке, от него разлетались разноцветные бабочки. И зажигали у меня на ресницах влажные огоньки. Потому что я смотрел на ёлку сквозь слёзы. Перед новым годом мама тяжело заболела. Несмотря на тяжкий жар, она все же настояла, чтобы дядя Боря, который жил с нами, украсил мне ёлочку.

И начало сорок шестого тоже запомнилось. Тридцать первого декабря, вечером, мы с мамой украсили ёлку.

В ту пору в Тюмени была громадная площадь, посреди которой одиноко торчала кирпичная водонапорная башня. Башня сохранилась до наших дней, но теперь стоит она в тесноте городского квартала. А в ту пору здесь был такой простор, что границы площади казались мне (если смотреть от башни) округлыми, как линия горизонта.

И вот накануне сорок шестого года здесь поставили громадную ёлку с цветными лампочками. На ёлке висели обёрнутые фольгой мячи, большие куклы, плюшевые мишки и деревянные грузовички, которые обычно продавались в магазинах, в отделах игрушек. Но было немало и обычных ёлочных украшений. Вокруг ёлки понастроили много снежных фигур и городок для катания. Сейчас это кажется привычным, а тогда было одной из первых сказок мирного времени.

"Золотое колечко на границе тьмы"

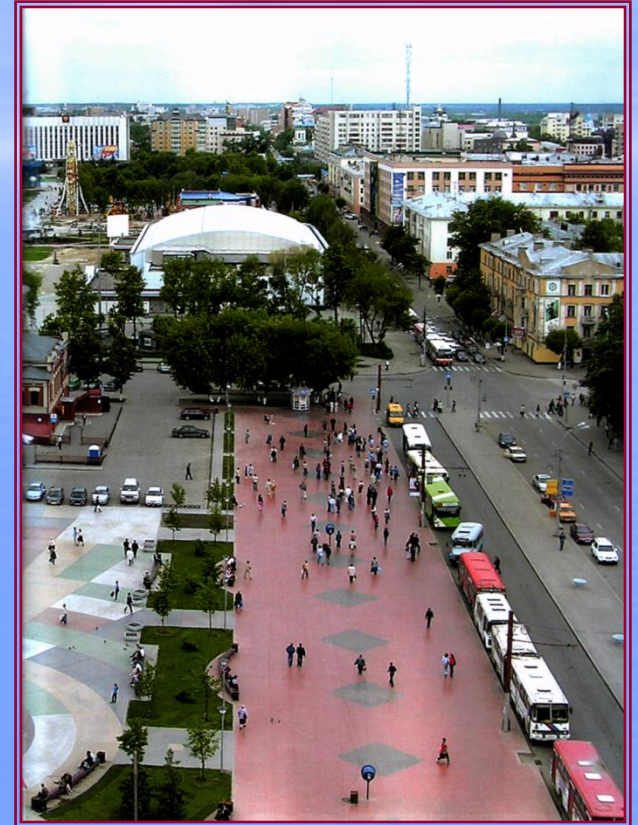
ДЕТСКИЕ МЕЧТЫ

Каким город станет Тюмень в будущем... Проекты были фантастическими. Оказывается, на нашей улице уже запрещено строить дома ниже двух этажей. В центре города будет возведено множество кирпичных зданий. А за рекой скоро построят – невозможно поверить! – шестиэтажную больницу. В городе, где верхом монументальности было несколько четырехэтажных домов, это казалось непостижимым.

"Шестая бастионная"

Но иногда нам хотелось, чтобы город был большим. Чтобы блестели рядами окон многоэтажные домищи, звенели трамваи, сияли по вечерам разноцветные огни. Чтобы в цирке каждый день шли представления, а по улицам проносились тысячи машин. И поэтому все

заволновались, когда прошел слух, что главную улицу собираются покрывать асфальтом. Асфальт казался признаком настоящей городской культуры. Во дворах торопливо застучали молотки: мальчишки сколачивали самокаты. Вы представляете, какие возможности открывали перед самокатчиками асфальтовые тротуары!

"Тень каравеллы"

70-летний юбилей Крапивина в детской библиотеке на ул. Тульской (2008 г.)

